

Д. К. Зеленин

**Имущественные запреты как
пережитки первобытного
коммунизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Д11

Д11

Д. К. Зеленин

Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма / Д. К. Зеленин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 75 с.

ISBN 978-5-458-40738-0

""Имущественными запретами" мы называем запрещения отдавать свои вещи во временное или постоянное пользование чужим лицам. Предлагаемая вниманию читателей работа об имущественных запретах основана, главным образом, на этнографическом материале из быта народов СССР." (Д.К. Зеленин)

ISBN 978-5-458-40738-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

§ 1. Введение

„Имущественными запретами“ мы называем запрещения отдавать свои вещи во временное или постоянное пользование чужим лицам. В примитивном обществе такого рода запрещения регулировали имущественные отношения и тем самым определяли характер собственности.

Этнографическое понятие „имущественные запреты“ и самый этот термин мы выдвигаем в этнографической литературе впервые.¹ Ни Джемс Фрэзер, посвятивший запретам-табу целый том в своей знаменитой серии „Золотая ветвь“,² ни польский этнограф Евг. Франковский, который в 1924 г. напечатал большое исследование под заглавием „Магические средства при займе и продаже у поляков“³ (так он называет и понимает имущественные запреты!), ни один из других этнографов не выделяют имущественных запретов в особую этнографическую категорию, а смешивают их с обычными магическими табу и объясняют их возникновение на почве магического мышления.

Тут сказалось характерное для старой этнографии смазывание, затушевывание социально-экономических моментов в развитии общества и выдвигание на первый план, переоценка моментов религиозно-магических, идеологических. Наша точка зрения совершенно иная: имущественные запреты возникли совершенно независимо от магии и религии, возникли на стадии родового общества или даже дородового общества — на

¹ Предлагаемая вниманию читателей работа об имущественных запретах основана, главным образом, на этнографическом материале из быта народов СССР. Говоря о поверьях этих народов, автор употребляет настоящее время (*praesens*) большею частью в тех случаях, когда он приводит буквальные слова своих источников, а также для стилистического соответствия этим цитатам. Автор считает нужным особо подчеркнуть здесь, что все решительно сообщения об этих поверьях относятся теперь всецело к прошлому, к отжившему уже быту народов СССР. 16 лет, протекших со дня Октябрьской революции, сделали свое великое дело: культурная революция, советское просвещение проникли в самые отдаленные, в самые захолустные и глухие углы Союза Советских Социалистических Республик, не исключая юкагиров и чукчей крайнего Севера, и везде разрушили старые суеверия и предрассудки. (Д. З.).

² J. G. Frazer. *The Golden Bough. A study in magic and religion, part II. Taboo and the perils of the soul.* Third edition. London, 1914. — В русском переводе (с краткого издания): Дж. Фрэзер. *Золотая ветвь.* Выпуск II. Табу — Запреты. Атеист, 1928.

³ E. Frankowski. *Zabiegi magiczne przy pożyczaniu, kupnie i sprzedaży u ludu polskiego.* „Lud“, XXIII, serja II, tom III, Львов, 1924.

почве борьбы двух разновидностей коллективной собственности — внутри-родовой (внутриордовой), ограничивающейся замкнутым кругом одного рода или одной орды — с одной стороны, и междуродовой (междуордовой), выходящей за пределы своего рода или орды — с другой. Главная же масса известных нам имущественных запретов развилась на почве борьбы новой частной собственности с древнейшей коллективной. В этом смысле имущественные запреты и являются отражением, пережитками первобытно-коммунистических имущественных отношений, хотя в дальнейшем своем развитии они и отразили в себе влияния позднейших стадий развития общества, в частности — влияния классовой борьбы. Первоначально имущественные запреты были простыми правилами, регулирующими имущественные отношения в примитивном обществе, т. е. нормами имущественного права, и только впоследствии они переплелись, контаминировались с магическими представлениями, а также с культом предков, через что и превратились в поверья.

Этнограф-социолог, изучающий вопросы о происхождении и истории собственности, не может пройти мимо имущественных запретов, которые в пережиточной форме известны почти всем народам земного шара. Конечно, цельной картины происхождения частной собственности анализ имущественных запретов дать не может. Для этого необходимо широкое комплексное изучение разных сторон социально-экономической жизни человеческого общества. Глубокая древность имущественных запретов явствуют уже из одного того, что некоторые из них регулируют еще пользование не частной, а коллективной — родовой собственностью на средства производства; таковы, например, запреты на огонь у многих народов Азии, находящихся на стадии родового быта. Недвижимости имущественные запреты совсем не касаются: частная собственность на недвижимость, на землю — явление сравнительно очень новое в истории человеческого общества.

Мы располагаем довольно обильными этнографическими материалами, относящимися к имущественным запретам разных народов Евразии. Но, за крайне редкими исключениями, эти материалы в высшей степени несовершенны: это обыкновенно отрывочные, случайно записанные, часто вскользь брошенные замечания самого общего содержания, в роде, напр., следующих: „в этот день никому ничего не дают“, „не дают даже огня“, „не подают даже милостыни нищим“.

Исследователю прежде всего необходимо выделить среди пестрой массы разнообразных имущественных запретов три категории: 1) табу дарения, 2) табу займа и обмена; мы объединяем заем и обмен, так как, напр., заем семян земледельцем с обязательством возвратить их из нового урожая, в сущности, равносильен обмену, и 3) табу продажи. Если последняя категория по самой своей природе могла возникнуть лишь в эпоху денежного хозяйства, — то две первых категории могли развиваться много ранее. Но, так как одни и те же имущественные запреты отразили

в себе влияния очень различных социально-экономических отношений разных эпох, причем старое содержание запретов нередко вливалось в новые формы, — то простое распределение трех указанных категорий по эпохам натурального и денежного хозяйства было бы ошибочным; очень часто напр. табу продавать является лишь новой формулировкой древнего запрета на частную собственность в ущерб коллективной, или же новой подстановкой либо заменой прежнего табу дарить или ссужать.

Можно различать еще и четвертую категорию имущественных запретов — табу выносить вещи из жилища; но тут мы имеем контаминацию экономических запретов с магическими представлениями: жилище — место хранения магических предметов („фетиши“) и место совершения магических обрядов, а в силу этого — место действия благоприятных результатов этих магических предметов и обрядов, место обитания так называемого „счастья“ данной семьи; вынос вещей из жилья, даже напр. вынос сора из избы разрывает замкнутый круг этого магического „счастья“. Магические представления вообще весьма сильно пронизали очень многие имущественные запреты, создав даже новые разновидности их, напр. табу отдавать вещи больным, чародеям, беременным женщинам, вещи предназначенные для покойника, и т. п.

Наконец, можно говорить и еще об одной разновидности имущественных запретов, когда запрещается лишь „вручать“ вещи из рук в руки другому лицу; передавая вещь в пользование другому, не „вручают“ ее, а кладут или ставят около заинтересованного лица, которое берет вещь самостоятельно. Тут сказались, с одной стороны, представления о контагиозной магии, боязнь заражения, о чем подробно пишет Э. Краулей в своей книге „Мистическая роза“, конечно — вне всякой связи с имущественным характером таких „запретов соприкосновения, контакта“.¹ С другой стороны тут мы усматриваем обман, характерную для поведения примитивного общества уловку, маскировку: запрет отдачи вещей сужается через то, что понятие передачи подменяется более узким понятием „вручения“; отдача без взаимного соприкосновения через посредство передаваемой вещи исключается из круга имущественных запретов. Марийцы в дни поминовения своих предков „не давали“ корма скоту, а только разрешали себе как бы незаметно толкнуть ногой скотине клок сена (см. § 3): мы и тут склонны видеть своеобразный имущественный запрет, хотя бы в отношениях человека к домашним животным.

В стадильном развитии имущественных запретов можно различать следующие моменты: 1) В эпоху родового (а быть может и дородового) общества возникли запреты на некоторые средства производства, в частности на огонь; это было еще только количественное ограничение коллективной собственности, в смысле ограничения количества субъектов

¹ Э. Краулей. „Мистическая роза“, СПб. 1905, перевод с английского. По английски вышло недавно 2-е издание этой книги: E. Crawley. The mystic rose. London, 1931.

собственности: одна общественная группа переставала в силу запрета выдавать свой огонь другим группам. Основой запрета явилась борьба внутриродовой коллективной собственности на огонь с междуродовой коллективной же собственностью. Пережитком таких запретов мы считаем известные запрещения выдавать родовой огонь чужеродцам. 2) В эпоху родового быта развились мемориальные запреты на родовой огонь и другие вещи — в память умерших предков, а впоследствии в память родовых святых и божеств; тут мы имеем контаминацию имущественных запретов с культом предков. 3) У рыболовов, охотников, пчеловодов и садоводов, а частью и у земледельцев сохранились до наших дней многие имущественные запреты, предписывающие еще коллективное пользование продуктами этих производств и запрещающие индивидуально-семейную собственность на эти продукты. 4) В эпоху разложения коллективной собственности на средства производства развились табу дарить орудия и оружие; впоследствии, на позднейших стадиях развития общества, это табу ограничено было только металлическим оружием и соединено с правом продажи его. Первоначально же запрет имел в виду орудия деревянные, костяные и каменные. 5) Когда коллективная собственность на средства производства заменилась частною, тогда появляются имущественные запреты в целях эксплуатации; одолженное на время орудие труда предписывается возвращать владельцу орудия с частью материалов, обработанных данным орудием. В некоторых имущественных запретах можно видеть следы борьбы торговцев и кулаков-эксплуататоров: первые настаивают на табу займа и ссуды, вторые на табу продажи.

Разложение имущественных запретов в позднейшие эпохи их развития выразилось в следующем: 1) Имущественные запреты, бывшие первоначально простыми правилами социально-экономических отношений, контаминировались с культом предков: так возникли мемориальные запреты в память умерших. 2) Имущественные запреты были впоследствии сильно пронизаны магическими представлениями: на этой почве развились — табу выносить вещи из жилища, табу выдавать вещи больным, умирающим, беременным женщинам, чародеям. 3) Действие имущественных запретов было ограничено только определенными сроками; это были — а) праздники, связанные с культом предков; б) периоды, когда совершались магические чары начина (*Anfangszauber*) и когда особенно легко утратить „новое, молодое счастье“ нового, начинаемого дела, например день засева, день запашки, день рождения теленка, или другого домашнего животного, а также день рождения ребенка, день отправки в путь; сюда же относятся дни — нового года, понедельник — как день, начинающий новую неделю, новолуние — как начало месяца; в) сроки религиозных праздников; г) сроки, когда особенно опасны колдуны и злые духи, например, ночь, Купало, и т. д.

Переходим к отдельным моментам, прежде всего к запретам на родовой огонь.

§ 2. Запреты на родовой огонь

Древнейшие из сохранившихся до нас имущественных запретов относятся еще не к частной, а к коллективной — родовой собственности. Таковы запреты на родовой огонь, еще очень недавно бытовавшие у многих народов Сибири. У гиляков предметы потребления являлись коллективной собственностью, очевидно в силу пережитков первобытного коммунизма. Гиляки считали „грехом“ — „не угощать, не делиться съедобным“, если это съедобное у них есть.¹ Здесь, в сфере потребления, как видим, никакого ограничения рамками своего рода нет. Иное отношение было у тех же гиляков к огню: коллективная собственность на огонь строго ограничена пределами своего рода: „только сородич имеет право выносить огонь из юрты. Чужеродный, закулив у родового очага, не может выходить из юрты, не докурив своей трубки. Всякое нарушение этих правил неприкосновенности родового огня со стороны чужеродца неминуемо влечет опасные последствия для сородичей и обязанность уплаты виры со стороны чужеродца“ (стр. 73). „Уплата виры“ преступившим запрет не оставляет сомнения, что здесь запрет еще сохраняет характер нормы обычного, родового права. Каждый гиляцкий род имеет кроме того свое родовое огниво, которое также не выдавалось представителям чужого рода (стр. 74).

У бурят, по сообщению Б. Э. Петри, „огонь — это такой же член рода, как и любой бурят, и его нельзя отдавать в чужой род, как нельзя отдать сына или сородича. Поэтому ни одному буряту и в голову не придет попросить головешку, чтобы унести ее в свой род. Даже больше: когда чужеродец входит в юрту, ему подносит хозяйка трубку, зажженную от родового огня, которую он выкуривает, но если он хочет выйти из юрты наружу, он должен непременно выколотить пепел из трубки, чтобы не вынести родового огня. Даже женщина, выданная в чужой род, не может выносить огня из юрты того рода, из которого она происходит. Свои же могут выносить огонь из юрт своего рода. Впрочем, в некоторых улусах за этим не смотрят уже так строго, и лишь в том случае строго воспрещается выносить огонь, если в доме есть ребенок моложе года от рождения“.² Здесь мы обращаем внимание читателя, между прочим, на то обстоятельство, что трубку гостя-чужеродца зажигает от родового огня хозяйка, женщина: тут один из тех мелких фактов, сумма которых дает нам право говорить о существовании имущественных запретов на огонь в эпоху матриархата. Кроме огня, у бурят имеется имущественный запрет на родовую курунгу (кислое молоко, подвергнутое действию особого бродильного грибка); по сообщению того же Б. Э. Петри, курунга у бурят „является общеродовым достоянием, и как огонь, так и ее нельзя

¹ Л. Я. Штернберг. Гиляки. Этногр. обозр., 1904, № 4, стр. 77.

² Б. Э. Петри. Элементы родовой связи у северных бурят. Сибирская живая старина, II, Иркутск, 1924, стр. 108—109.

передавать в чужой род“; „если бы в силу каких-либо несчастных случайностей род остался к весне без своей курунги, его положение было бы безысходное, так как никакой другой род не даст ему своей курунги“ (стр. 109—110). Здесь мы имеем имущественный запрет не на предмет потребления, так как той же курунгой „можно поить каждого чужеродного гостя; он даже самостоятельно может ее брать из большой кадушки“ в юрте чужеродца (стр. 109). Курунга является одновременно средством производства, а именно средством приготовления пищи, служа закваской для приготовления одноименного съедобного продукта весною, после зимнего перерыва, когда курунгу не готовят.

Объектом родовой собственности огонь остается также у алтайцев и телеутов, у которых „каждый род бережет свой огонь и не дает другому роду“. После заката и до восхода солнца чужой человек (чужеродец) не имеет права выносить огонь из юрты; в некоторых местностях разрешается уже выносить огонь, но нет права принести его в свою юрту, если взявший огонь — чужого рода.¹

У тунгусов на р. Енисее, по сообщению К. М. Рычкова, „родовое значение огня выражается в следующем: только сородич имеет право разводить огонь на очаге сородича, имеет и право выносить его из юрты и чума. Считается неприличным, если чужеродец, закулив у очага, вышел из юрты или чума, не докурив своей трубки“.² Сверх того, „запрещают брать огонь друг от друга людям, у которых имеется в роду шаман или хранятся муһды, т. е. изображения родовых покровителей предков. Представители таких родов называются муһderi bajet, т. е. шайтанные люди“ (стр. 39). Сообщение А. Миддендорфа, по которому „тунгус никому не даст огня из своего чума, ибо это грех“,³ повидимому, не вполне точно.

Пережитки родовой собственности на огонь сохранялись также у якутов, у которых по крайней мере „жених, пока он еще не уплатил полностью калыма, не имеет права зажечь трубки у очага своей нареченной“.⁴

У чукчей, по сообщению В. Г. Богораза, „общение огнем между семьями разной крови воспрещается под опасением осквернения“.⁵ „Огонь чужой семьи считается оскверняющим, приносящим заразу и приводящим с собой посещение враждебных духов. Опасение оскверниться применяется также ко всем предметам, находившимся у чужого очага: к чужому шатру, пологу, и отчасти даже к самым людям, хранителям и служителям чужих пенатов. Захолустные чукчи, которым редко приходи-

¹ Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеутов. Сборник Музея антропол. и этногр. (МАЭ), VI, стр. 66—67.

² К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, 1917, № 1—2, прил., стр. 39.

³ А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, II, СПб. 1878, стр. 707.

⁴ В. А. Серошевский. Якуты, СПб. 1896, стр. 666.

⁵ В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей. Сборник МАЭ, I, вып. 2 1901, стр. 49.

лось совершать далекие путешествия, попав в чужой околоток, бояться ночевать в чужом пологу, есть мясо, сваренное у чужого огня. С другой стороны, неизвестный странник, явившийся ночью на чукотское стойбище, только с трудом может добиться доступа в шатер, в чем мне пришлось убеждаться на опыте".¹

Разложение родового быта повело к утрате родового характера собственности в запретах на огонь. Например, те же алтайцы в счастливые дни месяца „не дают огня даже родному брату — из боязни, чтобы он не отнял счастья семьи".² Тут коллективная внутриродовая собственность на огонь подменена собственностью индивидуально-семейной.

Еще чаще действие запретов на родовой огонь ограничивается лишь определенными сроками; напр., у ольчей запрет выносить из юрты с очага огонь ограничивается временем медвежьего праздника.³ Айны не выносят огня из юрты, если в доме есть больной.⁴ У бурят запрещается выносить из юрты огонь и молочные продукты в течение трех суток после тайлагана, т. е. просительного молебствия духу-хозяину огня.⁵ Алтайцы никому не дают позаимствовать огня из брачного жилища „одах"⁶.

Переживания древних представлений о родовом огне можно видеть и в русских имущественных запретах на свадьбе, когда сталкиваются два чужих рода. Сохранение свадебных обрядов с родовыми огнями у восточных славян вне всякого сомнения; например, в Бирюче у украинцев, в Далматове (на Урале) у русских жених приезжает на сговор в дом невесты в полночь, тушит хозяйский огонь и зажигает свой.⁷ Украинские свахи жениха и невесты, стоя на пороге дома новобрачной, сплеяют свои свечки вместе — так, чтобы они горели одним пламенем.⁸ Рядом с этим на русской свадьбе, равно как и у коми-пермяков „никому ничего не дают — даже не подают нищему",⁹ очевидно также и огня; сравнить пермскую же пословицу: „в день свадьбы трубы не открывать, мило-стыню на улице не подавать, а кормить нищих в избе, полезнее всего

¹ В. Г. Богораз. Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1899, стр. 28. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., XXX, вып. I.

² Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеут. Сборник МАЭ, VI, стр. 67.

³ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, III. СПб. 1903, стр. 94.

⁴ Гр. Потанин. Очерки Сев.-зап. Монголии, IV. СПб. 1883, стр. 675, цитата из Депперадовича.

⁵ Агапитов и Хангалов. Материалы по изучению шаманства в Сибири, Иркутск, 1883, стр. 105.

⁶ В. Вербицкий. Алтайские инородцы, М. 1893, стр. 85.

⁷ Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества, I, стр. 366; III, стр. 1009.

⁸ Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. Украинский народ, II. Пгр., 1916, стр. 629.

⁹ Чердынский край, 1928, № 3, стр. 50, статья И. Лунегова. — Пермский краеведческий сборник, IV, Пермь 1929, стр. 133. — Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. Пермский сборник, II, М. 1860, стр. 73, прим.

нигде“¹ Эти свадебные запреты объясняются теперь желанием, чтоб „счастье новобрачных не ушло из дома вместе с уносимыми вещами“. О таком понимании запрета говорит табу у русских мести пол в продолжение всего периода свадебных обрядов² — „сколь бы сору или грязи натаскано ни было“ — „чтоб новобрачным жить целым домом (II, стр. 771); падающие на свадьбе со стола кости, скорлупы, куски хлеба, равно как и сор из избы не выметают, выражая этим желание жить новобрачным во всем изобилии.“³

С другой стороны, обязательный на русской, якутской и других свадьбах взаимный обмен подарками дает нам право заключать, что этот известный способ заключения союза и искусственного родства первоначально практиковался лишь между представителями разных родов.⁴

Во всех изложенных правилах пользования родовым огнем мы имеем уже моменты разложения имущественных запретов на огонь. Запрещается не всякое пользование огнем чужеродца, а только перенесение чужого огня из чужой юрты в свою. Внутри чужой юрты чужеродец пользуется чужим огнем, и в этом естественно видеть сохранение древнейших первобытно-коммунистических имущественных отношений; но выносить из юрты чужой огонь и переносить его в свое жилье, равно как разводить, зажигать свой огонь в чужой юрте чужеродцу уже запрещается. Перенесение в этих запретах центра тяжести на вынесение огня из чужой юрты, в частности на перенесение чужого огня в свою юрту и зажигание своего огня в юрте чужеродца, — эти моменты свидетельствуют о контаминации имущественных запретов на родовой огонь с магическими представлениями о жилище, как о месте пребывания „счастья“ данной семьи, о возможном прорыве замкнутого магического круга, охраняющего это „счастье“ в пределах данного жилища. При полной победе этого последнего магического представления родовая собственность на огонь подменяется семейно-индивидуальною: алтайцы в счастливые дни месяца не дают огня и родному брату. Сказалось тут и некоторое воздействие культа предков, слившегося с культом огня (см. § 3). Второй признак разложения — ограничение действия запретов сроком ночи, когда велика опасность от злых духов и чародеев; ограничение временем родовых и иных праздников, наличием в юрте новорожденного ребенка, больного и т. п.

У чукчей В. Г. Богораз отметил бесспорно новое и очень своеобразное объяснение запрета, основанное на мнимо-оскверняющем действии чужого огня. Объяснение это стоит в явном противоречии с общечело-

¹ Д. К. Зеленин. Описание рукописей, III, стр. 1035.

² Там же, II, стр. 545 и 771, районы Васильевска и Ядрина. — Е. Радченко. Село Бужарово, стр. 110.

³ Д. К. Зеленин. Описание рукописей, II, стр. 74, район Княгинина.

⁴ Н. А. Виташевский. Особый вид обязательств в первобытном праве: *ex donatione*. Этногр. обозр., 1909, № 1, стр. 9 и сл.

веческим представлением об огне, как об очищающем средстве. Явно, что это чукотское объяснение могло развиваться лишь в позднюю пору разложения старого мировоззрения.

В древнейшей, первоначальной форме запретов на выдачу чужеродцам родового огня мы имеем количественное ограничение древнейшей коллективной собственности на огонь — в смысле ограничения количества субъектов собственности. Огонь для примитивного общества служил одним из важнейших средств производства — средством обороны, приготовления пищи, приготовления орудий и т. д. Самое существование означенного запрета не оставляет сомнения в том, что некогда такого количественного ограничения коллективной собственности на огонь не было. Очевидно, в родовом обществе территориально близкие, соседившие между собой общественные группы (роды) первоначально делились друг с другом средствами производства, в частности огнем. Бурятский имущественный запрет на выдачу чужеродцам закваски курунги дает право предполагать, что роды делились некогда друг с другом не только огнем, но и другими средствами производства. Но, когда недостаток средств пропитания или другие причины вызывали борьбу между группами за обладание этими средствами пропитания, за исключительное пользование территорией, — тогда и возникли запреты выдавать соседним родам свои средства производства.

Обостренные, враждебные отношения между родами одного и того же племени, как известно — весьма частое и весьма обычное явление (сравнить напр. кровную родовую месть). Что же касается чисто имущественных отношений между родами, то, напр., Н. А. Виташевский пишет о якутах: „Общественное мнение якутов осуждает раздачу ссуд и займов за пределами родовой группы“.¹ К. Рычков характеризует имущественные отношения тунгусских родов на р. Енисее такими чертами: у енисейских тунгусов „не существует какого-либо запрета воровства у чужого племени, и воровство собственности других племен или чужеродцев — у них обыкновеннейшее дело“.²

Таким образом, есть все основания полагать, что борьба между внутриродовой и междуродовой коллективной собственностью привела к имущественным запретам на родовый огонь и на другие средства производства. Не исключена, правда, возможность, что родовые группы могли унаследовать эти запреты от дородовых орд, но доказать это мы не можем за отсутствием данных. Бесспорно одно, что имущественные запреты на огонь появились в очень глубокой древности: об этом свидетельствует замечательная их живучесть, устойчивость и поразительное обилие их пережитков на позднейших ступенях развития общества.

¹ Н. А. Виташевский. Особый вид обязательств в первобытном праве. Этногр. обзор., 1909, № 1, стр. 4.

² К. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, 1922, № 3—4, стр. 148.

Переход от дородовой организации человеческого общества к родовой характеризуется появлением экзогамии. Не исключена возможность, что в связи с экзогамными браками и возникли случаи, когда один род делился с другим родом своим огнем и некоторыми другими средствами производства, напр. закваской (куранга бурят). Но в дальнейшем эти имущественные отношения между различными родами были очевидно прекращены, в чем и состояло появление изучаемых нами имущественных запретов на родовой огонь. Есть основания относить эти события к тому периоду, когда окреп материнский род.

Преобладание имущественных запретов в женских занятиях (земледелие, особенно же приготовление пищи), совсем особое воззрение, выделяющее имущественные запреты на выдачу вещей для беременных женщин (см. § 8) — единственное исключение из категорической обязательности всех решительно имущественных запретов, — всё это могло бы говорить о некоторой связи имущественных запретов именно с матриархальным родовым строем.

§ 3. Мемориальные имущественные запреты

Бесспорно к эпохе родового общества относится появление особого типа имущественных запретов, которые мы обозначаем термином „мемориальные“: они устанавливались в память умерших предков.

Как известно, потомки совершают в память умершего своего предка обычно именно то, что сам покойный любил делать. Вряд ли можно сомневаться, что имущественные мемориальные запреты имели эту же психологическую предпосылку. Глава рода устанавливал и поддерживал табу на родовой огонь, равно как и другие имущественные запреты, экономически выгодные как для него самого, так и для всей родовой организации. После смерти старейшины рода, его потомки сородичи или повторяют эти же запреты, или даже вводят новые аналогичные запреты — уже в целях почтить память умершего предка, успокоить его за гробом во избежание разных неприятностей для живых со стороны умершего. Таким образом, можно говорить о преемственности родовых мемориальных запретов патриархального рода и описанных выше имущественных запретов на родовой огонь, возникших вероятно в эпоху матриархата.

Мемориальные запреты отмечены лишь у немногих отдельных народов — в Сибири и на Кавказе. У народа тува (урянхайцев) Г. Н. Потаниным отмечен обычай, так наз. ширлих: по смерти человека семья его, в память о покойнике, через каждые шесть дней в седьмой, считая со дня смерти, ничего не выносит из юрты, не продает и даром не дает ни молока, ни чего-либо другого; внутри юрты можно гостя накормить, но дать что-нибудь на вынос нельзя.¹ Аналогичное явление у монголов-дюрбю-

¹ Г. Н. Потанин. Очерки северозападной Монголии, IV. СПб. 1883, стр. 36.